

ГРАЖДАНСКИЙ ДИАЛОГ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются институциональные, коммуникативные и ценностные основания гражданского диалога как механизма формирования публичной политики; проблемы, сопровождающие этот процесс повсюду в мире и в современной России.

Ключевые слова: гражданский диалог, публичная политика, конфликтность, межкультурная коммуникация, делиберативная демократия.

Abstract: the author analyses the institutional, communicative and valuable base of civil dialogue as a mechanism of the formation of public policy and problems which the leaders could deal with all over the world and in Russia.

Key words: civil dialogue, public policy, conflicts, intercultural communication, deliberative democracy.

Проблема гражданского диалога в современных условиях имеет как особую теоретико-методологическую ценность, так и практически политическую значимость. Она усиливается включением в мировые социально-политические процессы все новых субъектов (стран, народов, культур), усложнением взаимодействия глобальных, региональных, национально-государственных и локальных факторов, конфликтным характером общественных трансформаций, изменением иерархии жизненных ценностей, поведенческих моделей и т.д. Глобализация как мега-процесс требует изменения самого типа цивилизационного развития, суть которого в предельно краткой формуле состоит в необходимости перехода от односторонних установок на властное доминирование к диалогу государств, народов, культур. В современных сложных обществах коммуникация относительно ценностных ориентаций, целей, норм и фактов образует один из важнейших механизмов общественной интеграции, наряду с такими средствами, выходящими за рамки единичных интересов, как средства управления через меновую стоимость (т.е. деньги) и административная власть. Третий и самый фундаментальный ресурс современных обществ образуют взаимопонимание и солидарность [1, с. 94].

В условиях современного сложного и многообразного мира механизмом формирования солидарности и в целом совместного существования людей выступает диалог, межгрупповая и межкультурная

коммуникации, предполагающие уважение к позиции оппонента даже при условии несогласия с ней. Ученые отмечают настоятельную потребность в диалоге на макроуровне, обращая внимание на «притязания культуры» (С. Бенхабиб) и потребность «в совещании», т.е. в содержательной дискуссии, комплексном диалоге и взаимодействии различных культур [2; 3]. В свою очередь, на микроуровне акцентируются роль и значение новых методик в целях выстраивания продуктивных взаимоотношений между людьми [4]. По общему мнению исследователей, конфликтность современной истории является следствием дефицита диалогичности [5, с. 52].

Ресурсы диалогичности (институциональные, коммуникативные, интеллектуальные, психологические) являются важным показателем цивилизованного общества, его способности к устойчивому демократическому развитию. При этом под диалогичностью понимается общественная открытость (прежде всего политических структур), стремление к взаимодействию культур и их носителей, развитость дискурсивных технологий, коммуникативная толерантность. Диалогичность – это вместе с тем свойство, умение субъектов взаимодействия согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем. В случае возникновения сложностей с согласованием интересов диалог позволяет поддерживать взаимоотношения между своими участниками, не обязательно при этом договариваясь. Более того, только через совещательный диалог может быть установлен масштаб пред-

полагаемой несоразмерности и несовместимости убеждений и позиций. Даже у групп и индивидов, глубоко приверженных различным верованиям, возникают побуждения, заставляющие их вступать в демократическое обсуждение, поскольку (в результате этого) происходит некоторое сближение позиций на уровне материальных интересов и общих жизненных стилей.

Диалог всегда многопланов: он является обменом когнитивными комплексами (информация, знания о чем-то); оценочными компонентами (мнения, суждения); конативными (желания, стремления, целеполагания, волевые интенции) и прагматическими соображениями (способы действия, методы и ресурсы решения общей проблемы); прогностическими предположениями. В диалоге выявляются социокультурные свойства участников социального и политического взаимодействия (их специфика, схожесть, различия). В публичной сфере через диалог выявляются интересы и ориентации субъектов общественных отношений. Их диалоговая артикуляция представляет собой также самоопределение этих субъектов, их своеобразное превращение из «вещи в себе» в «вещь для себя». «Выявляются, фиксируются, корректируются позиции участников взаимодействия, их статус (объективный и субъективный) как субъектов общественных отношений, их намерения и реальные возможности действия. Одна из важнейших функций публичного диалога – открытое декларирование политических позиций», – отмечает В. С. Рахманин [6, с. 244].

Публичная сфера в различных моделях дискурсивной или совещательной демократии (Ю. Хабермас, Д. Коэн и Э. Арато, Н. Фрейзер, С. Бенхабб) имеет плюралистическую форму, в рамках которой признается разнообразие институтов, объединений и движений в гражданском обществе. С социологической точки зрения публичная сфера рассматривается как сцепление многообразных форм ассоциаций и организаций, через взаимодействие которых и происходит анонимное публичное собеседование. Децентрализованная публичная сфера состоит из взаимно пересекающихся сетей и объединений, в которых формируются мнения, а также органов, принимающих решения. В рамках таких многообразных и пересекающихся сетей публичности хорошо приживаются разные логики аргументации, приветствия, устная передача историй и речевые манеры [2, с. 166]. Участие в публичной сфере накладывает обязательство принимать во внимание противоположные взгляды и быть готовым думать и размышлять с позиции других, кого это тоже затрагивает.

Содержательный смысл диалога, общественного согласия и способы его достижения были различны-

ми в разные эпохи. От древних греков идет традиция критики и дискуссии, а вместе с тем и искусства мыслить рационально, вера в человека, в эгалитаристскую справедливость и в человеческий разум. Немаловажную роль в трактовке диалога сыграли традиции рациональной коммуникации, дискурсивного общения между людьми. Теоретики демократии XVIII в. видели в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Согласно этому мировоззрению все расхождения – расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было бы устранить с помощью рационального обсуждения. Роль политического процесса понималась как эпистемологическая, т.е. как поиск истины, а статус консенсуса являлся моральным – как воплощение общего интереса.

Эти идеи в конце XX – начале XXI в. получили новую жизнь, прежде всего, в теоретических разработках коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в его теории делиберативной демократии. Ю. Хабермас предлагает различать власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса. Первый из них – это коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общности. Второй – обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями. Как оба процесса – спонтанное формирование мнений благодаря автономным объединениям общности (*Offentlichkeiten*) и организованное обретение лояльности масс – проникают друг в друга, какой из них пересиливает другой – это вопрос эмпирический. «Здесь меня интересует лишь нормативная идея суверенитета народа, которая, в отличие от ее толкования у Руссо, воплощается уже не в коллективе, а соотносится с коммуникативными условиями дискурсивного формирования мнения и воли», – считает исследователь [7, с. 50]. По его мнению, должно возникнуть взаимодействие между институционализированным формированием воли, которое протекает согласно демократическим процедурам в рамках образований, способных к принятию решений и запрограммированных на их проведение в жизнь, с одной стороны, и незапрограммированными, неформальными высокочувствительными процессами формирования мнений благодаря автономным объединениям общности – с другой. Последние не приемлют организации сверху и могут развертываться только

спонтанно, лишь в рамках либеральной политической культуры [8, с. 50–51].

Автономия образований, отрицание иерархии, спонтанность развертывания и либеральная политическая культура отнесены автором к числу наиболее важных признаков существования публичной сферы («общественности»), в которой нет привилегированного места даже для авангарда, формирующего мнения, т.е. для интеллектуалов, нередко пытающихся «тянуть на себя одеяло власти». Влияние интеллигенции может конденсироваться в коммуникативную власть только при условиях, исключающих концентрацию власти. «Общественные дискуссии приобретают резонанс исключительно в той степени, в какой они обладают диффузностью, а значит, при условии широкого, активного и в то же время не централизованного участия. Последнее, в свою очередь, требует, чтобы за всем этим стояла эгалитарная политическая культура, в своем формировании свободная от всяких привилегий, интеллектуальная во всем своем объеме», – считает Ю. Хабермас [там же, с. 53].

Следует отметить, что сознательное историческое действие и демократическая культура стали порождением Великой французской буржуазной революции, когда в революционном сознании зарождается новый образ мыслей с характерным для него новым сознанием времени, новым понятием политической практики и новым представлением о легитимности. Историческое сознание Нового времени порывает с традиционализмом «естественных» континуумов; восприятие политической практики осуществляется под знаком самоопределения и самоосуществления; формируется доверие к разумному дискурсу, который должен быть основой в процессе легитимации любого политического господства. Именно через эти три аспекта в сознание населения вторгается радикально светское, *постметафизическое понятие политического*.

Таким образом, размышляя об идее демократии, Ю. Хабермас вновь подчеркивает, что народный суверенитет не может более мыслиться субстанциально – как нечто воплощенное в гомогенном народе или нации. Вместо этого он говорит о коммуникативной власти, которая, сохраняя в той или иной степени спонтанный характер, может проистекать из автономной общественности. Но этот процесс может осуществляться при условии, что имеются коммуникативные предпосылки, позволяющие формировать мнения посредством дискурса. Однако любая политическая система стремится обеспечить лояльность масс либо конструктивным (выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне), либо селективным (исключая из публичных дискус-

сий определенные темы и сообщения) способом. Это достигается с помощью социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения, либо деформацией структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации. Отсюда на передний план политической борьбы в публичной сфере выдвигается проблема альтернативных источников информации, устранения тромбов в каналах политической коммуникации. Свободные ассоциации призваны служить тому, чтобы артикулировать значимые для общества темы, способствовать выработке предложений для решения тех или иных проблем, интерпретировать ценности, разоблачать одни доводы и предлагать другие. Организованное формирование мнений должно оставаться открытым, чтобы в него из круга политической коммуникации свободно поступали темы, размышления и аргументы, способствующие рациональному формированию политической воли.

Необходимость общественного диалога в последнее время становится еще более очевидной в силу растущего культурного разнообразия мира и активизации под воздействием глобализационных процессов межкультурных напряжений и конфликтов. По мнению С. Бенхабиб, демократию можно лучше всего понять как модель организации коллективного и публичного применения власти в основных институтах общества на основе следующего принципа: *решения, затрагивающие благосостояние всех, рассматриваются как результат процедур свободного и разумного обсуждения между людьми, считающимися равными в нравственном и политическом отношениях*. Конечно, определение таких спорных по своей сути понятий, как демократия, свобода и справедливость, не может быть простым. Тут всегда постулируется и формулируется нормативная теория, с помощью которой обосновывается определяемый термин. В понимании демократии автором предпочтение отдается совещательной модели по сравнению с другими видами нормативного подхода. Чтобы демократия устойчиво функционировала, необходимо удовлетворять запросы людей на материальное благосостояние и коллективную идентичность. Однако достижение материального благосостояния и реализация чувства коллективной идентичности сами по себе не составляют нормативного базиса демократии как формы организации коллективной жизни. Дело в том, что достижение определенного уровня материального благосостояния может сочетаться с авторитарным политическим строем, а антидемократические режимы могут более успешно, чем демократические, обеспечивать чувство коллективной идентичности.

Основу легитимности в условиях демократии следует усматривать в следующей посылке: институты, претендующие на законную власть, могут осуществлять ее постольку, поскольку принимают решения на основе беспристрастности, т. е. в интересах всех. Эту посылку можно реализовать на практике только тогда, когда решения в принципе открыты для публичного обсуждения свободными и равными гражданами.

Сила совещательной модели состоит в ее двухуровневом подходе к политике. С одной стороны, он сконцентрирован на существующих представительных институтах, таких как законодательная власть, судебная система и другие государственно-административные органы. С другой стороны, политические действия и борьба общественных движений, ассоциаций и групп рассматриваются сквозь призму теории демократической публичной сферы. Именно в публичной сфере, находящейся внутри гражданского общества, разворачиваются мультикультурные конфликты, а также происходят политические и моральные процессы обучения и трансформации. «Такой упор на разрешение мультикультурных противоречий через процессы формирования воли и мнений в рамках гражданского общества лучше всего отвечает трем нормативным условиям: эгалитарной взаимности, добровольному самопричислению, свободе выхода и ассоциации», – считает С. Бенхабиб [2, с. XXXIX].

Мысль о политических дискуссиях как механизмах формирования общественного согласия настойчиво звучит не только в трудах ученых, но и в политических программах многих партий. По мнению видного европейского политика О. Лафонтена, в демократическом обществе нормативный консенсус может установиться лишь в результате широкой общественной дискуссии. «Мы остро нуждаемся в политической культуре дискуссий, которая соответствовала бы духу античных городов – полисов, явившихся колыбелью демократии», – утверждает О. Лафонтен [8, с. 146]. Показательно, что в новом составе Европейской комиссии, сформированном после выборов в Европарламент (май 2014 г.), в обязанности одного из комиссаров будет входить социальный диалог [9, с. 7].

Естественно, что общественное согласие, трактуемое как процесс согласования различных интересов в рамках гражданского диалога, нуждается не только в доброй воле его участников, но и в соответствующей инфраструктуре, которая включала бы в себя разные сферы общественных отношений и разные уровни обсуждения наиболее значимых проблем. Образцом такой инфраструктуры в трудовой сфере может служить система трипартизма, сложившаяся

в ряде европейских стран и охватывающая три общественных сектора: бизнес (союзы предпринимателей), профсоюзы и представителей государства. Все вопросы, касающиеся отношений в сфере труда и производства, решаются именно в таком формате путем обоюдных компромиссов. Представители государства выступают в качестве посредников (медиаторов) урегулирования конфликтов в этой сфере.

Площадкой для поиска решений политических конфликтов традиционно выступают представительные органы власти, когда в ходе парламентских дебатов осуществляется поиск взаимоприемлемых решений, облекаемых в форму нормативных предписаний. Немаловажную роль выполняет также сама публичная сфера политики – от различных общественных слушаний до гайд-парков и телевизионных ток-шоу, призванных пробудить интерес гражданина к политическим вопросам и вовлечь его в их обсуждение. Европейских политиков тревожит растущее политическое отчуждение масс, абсентеизм молодежи и рост несистемных протестных движений, многие из которых откровенно склоняются к экстремизму и насильственным методам борьбы. В значительной степени эти негативные явления становятся следствием олигархизации властвующей элиты, приоритетного обсуждения мелких и частных вопросов и уходом от действительно кричащих проблем, затрагивающих интересы широких общественных слоев и групп. «Наметилась тенденция перехода господства к глобальным корпоративным элитам, формирование нового политического режима – неократизма, в рамках которого произойдет концентрация управления информационными потоками в руках достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или просто манипулирования им в политических целях», – отмечает А. П. Кочетков [10, с. 116].

С другой стороны, новые технические средства, обеспечивающие быструю и оперативную коммуникацию между гражданином или группами граждан и властными структурами, породили весьма заметную и по-своему опасную иллюзию всеисилия так называемой «электронной» демократии, «демократии прямого доступа» и т.д. Открывающиеся новые технические и коммуникативные возможности действительно могут использоваться во благо демократии, однако здесь многое зависит от зрелости структур гражданского общества, их готовности защищать демократические ценности и процедуры, и в первую очередь – возможности прямого диалога с властными органами. В ходе такого диалога могут учитываться широкий спектр общественных интересов, приниматься сбалансированные реше-

ния, способствующие достижению общественного согласия.

Исследователи обращают внимание на прямую зависимость степени развития гражданского общества от плотности и открытости коммуникации, поскольку ее плотность порождает возможность коллективного действия [11, с. 50]. Однако для обеспечения результативности диалога недостаточно лишь открытости и частоты общения как антиподам пассивности и апатичности. Результативность общения зависит от культуры его участников, тогда как культура участников диалога в Интернете может быть различной, как поддерживающей интерес к теме обсуждения, так и быстро теряющей его. Кроме того, в рамках такого общения нечасто возникают жизнестойкие объединения, способные эффективно работать на протяжении длительного периода времени ради достижения целей и обладающие ресурсами, необходимыми для взаимодействия с органами власти. «Многие участники диалога, выражая недовольство жизнью, редко способны выработать модели своего поведения, определить план действий, направленных на изменение существующих обстоятельств, не осознают себя носителями свобод, членами какого-то сообщества, ответственного за защиту их прав, не рассматривают активное участие в общественной и политической жизни как гарантию реализации своих возможностей, – считает В. А. Евдокимов. – Они имеют слабое представление и о том, что ради достижения какой-то цели необходимо подчинить собственные интересы общим, каким должен быть результат совместных действий, как можно повлиять на те социальные институты, от которых зависит решение волнующей их проблемы» [12, с. 23–24].

Наконец, еще одной серьезной проблемой, связанной с появлением новых информационных технологий, становится порождение абстракций, симулякров (Ж. Бодрийар), не имеющих связей с реальной действительностью. Между тем на современного человека обрушивается такой поток информации, который большинство граждан не способны понять. Это мешает оценить достоверность полученных сведений, глубоко осмыслить их и принять обоснованные решения. Сомневаясь в способности «человека со смартфоном» восстановить пошатнувшуюся веру в демократию и демократические институты, И. Крастев подвергает критике так называемую «новую религию прозрачности», сводящуюся к тому, что комбинация новых технологий, общедоступной информации и нового гражданского активизма сможет эффективнее помогать людям контролировать их представителей во власти. «Прозрачность стала новой политической религией, разделяемой большинством гражданских активистов и растущим числом

демократических правительств... Прозрачность становится столь заманчивой для различных групп граждан благодаря увлекательному предположению, что, когда люди “знают”, они будут действовать и требовать своих прав» [13, с. 96]. Однако при всех достоинствах прозрачности нельзя игнорировать и очевидные серьезные риски. Вопреки тем, кто верит, что политика полной открытости улучшит качество публичной дискуссии, автор настаивает на том, что огромные потоки информации сделают публичную дискуссию более сложной, сместив фокус с моральной правомочности граждан на их компетентность в той или иной сфере. «Вопреки ожиданиям сторонников движения за прозрачность, будто полная открытость правительственной информации сделает публичную дискуссию более рациональной и менее параноидальной, я считаю, что заикленность на прозрачности только подольет масла в огонь конспирологических теорий. Нет ничего более подозрительного, чем призыв к полной прозрачности», – считает И. Крастев [там же, с. 100].

Отмеченные тенденции и порожденные ими проблемы не обошли стороной и Россию, причем в специфически присущих ей формах. Проблема социального диалога и достигаемого с его помощью гражданского согласия (причем на разных уровнях государственной иерархии и общественных сфер) всегда была сложной для России в силу ее пространственного, геополитического положения, этнического, религиозного, культурного, регионального и прочего многообразия. Сегодня эта проблема в очередной раз в отечественной истории встала в практическую повестку дня ввиду очевидного для всех раскола между различными социальными группами, политическими силами, культурными ориентациями и т.д., временно декорированного националистическим («патриотическим») подъемом, связанным с присоединением Крыма. Пока обнадеживающих результатов не наблюдается, спасительное для общества согласие по-прежнему остается скорее желаемым, нежели действительным, что и неудивительно. В российской истории *нет традиции диалога, добровольного формирования широкого общественного согласия*, но есть опыт обретения его посредством навязывания «сверху», со стороны властвующих кругов либо по формуле «православие – самодержавие – народность», либо под лозунгом «идейно-политического и духовного единства советского народа». Эта наследственность не может не сказываться на нынешних трудностях страны, пытающейся определить свое место в международной системе координат, а также определиться с основным вектором своего внутреннего развития, хотя дело не только в наследственности. Демократия предполагает широ-

кое и добровольное участие всех граждан в формировании общественного согласия и нуждается для этого в соответствующих процедурах, политической коммуникации и желании власти прислушиваться к тому, чего хочет общество. В конечном счете именно это обеспечивает сохранение политической стабильности и мирное разрешение возникающих конфликтов.

В нашу задачу не входит основательное осмысление исторических традиций России, серьезно затрудняющих сегодняшний диалог и поиски общенационального согласия, а также анализ ценностных ориентаций различных слоев населения, хотя их значимость в решении указанной проблемы не подлежит сомнению. Вместе с тем мы не разделяем точку зрения ряда авторов, доказывающих принципиальную несовместимость для россиян некоторых ценностей, например, либерализма и консерватизма, обретшего неожиданную популярность в последние годы. Сопоставление этих ценностей, а чаще – представлений зачастую осуществляется поверхностно, без глубокого проникновения в смыслы и восприятие российскими гражданами таких ключевых понятий, как «реформа», «демократия», «традиция» и т.п. Кроме того, не учитывается приемлемость (либо неприемлемость) для массового сознания носителей этих ценностей, т.е. личностный фактор, тогда как проблема нередко кроется именно в нем.

С сожалением приходится признать, что в российском обществе сегодня практически отсутствует столь характерная для западной цивилизации практика открытых публичных дискуссий, борьбы мнений, противопоставления позиций и т.п. Дебаты, которые обычно ведутся в парламенте, в российском случае почти полностью исчезли. Но даже если бы они велись, они не могут заменить нормальной, полноценной дискуссии в обществе. Сегодня многие позиции, точки зрения, не совпадающие с официальной позицией телеканалов, ориентирующихся в основном на властные структуры, блокированы, их не слышно в радио – и телеэфире. Общество, которое еще совсем недавно, в советский период новейшей истории, было задавлено государством, сегодня формально представлено в парламенте. Однако представлено таким образом, что остались почти одни представители, контроль за которыми практически полностью отсутствует. То же самое следует сказать и о правительственных решениях, которые вбрасываются в публичную сферу без учета каких бы то ни было реакций со стороны общественного мнения. Примером может служить решение об изъятии пенсионных накоплений граждан за 2015 г., принятое в августе 2014 г. на заседании правительства в рекордные сроки – примерно за две недели, при отсутствии

профильных министров и, напротив, в присутствии представителей тех ведомств, которые никогда публично не поддерживали это предложение [14, с. 1]. Другим примером являются попытки российских госкомпаний, попавших под санкции Запада в связи с украинским кризисом, покрыть свои убытки за счет средств Фонда национального благосостояния, принадлежащего по логике вещей всем россиянам. Вопрос не только не обсуждается, но даже не присутствует в публичном дискурсе. Или, скажем, проблема национальных интересов России, о которых вдруг стали рассуждать все, тогда как компетентное мнение профессионалов рядовому россиянину практически недоступно.

Особую тревогу вызывает характер и формат общественных дискуссий на телевидении, в которых главная задача участников заключается в том, чтобы повесить на оппонента оскорбительный ярлык и тем самым сделать сомнительной или даже ущербной его позицию. Пропала сама идея общения, диалога, произошла поляризация мнений, и автор разумной точки зрения сразу же становится врагом для тех, кто отстаивает крайности по принципу «кто не с нами, тот против нас». Такая ситуация с психологической точки зрения крайне опасна и является симптомом паралича сознания, поскольку одним из главных механизмов зрелого сознания считается критичность – способность анализировать, «фильтровать» поступающую извне информацию, трезво понимать ограниченность собственного знания. Однако в нынешней ситуации, похоже, все естественные фильтры исчезли. Сознание перестает работать, оно просто заглывает готовые расфасованные тексты и выдает их же обратно. Как только в дискуссии предпринимается попытка что-то уточнить, конкретизировать – оппонент в ответ начинает до бесконечности расширять предмет разговора, вплетая туда все, что можно. И это самый главный способ бессознательной (или сознательной) манипуляции, который сейчас часто используется. Предмет разговора размывается, в него вплетается множество деталей, не имеющих к теме разговора никакого отношения.

Психологи бьют тревогу по поводу того, что в российском обществе сильно обесценилось значение слова «мнение». «Любой бред, который человеку приходит в голову, называют мнением. Это порождение так называемого постмодернизма – считать, что все мнения равноценны, – считает профессор психологии МГУ Д. Леонтьев. – Раньше, когда мнения спрашивали у экспертов, предполагалось, что оно производится с помощью умственной работы, и именно в той области, которой человек профессионально занимается. Тогда могут развиваться настоящие дискуссии, можно найти того, кому можно

верить. Сейчас же обычно называют мнением то, в чем чаще всего нет и следа аналитической и интеллектуальной работы. Откуда-то ветром занесло “как бы” “типа” информацию. Такие “мнения” не укоренены, они легко меняются на диаметрально противоположные» [15, с. 5].

Серьезным препятствием для достижения общественного согласия является и то, что для полноценной общественной дискуссии, столь необходимой расколотому российскому обществу, отсутствуют соответствующие условия – как технические (подлинно независимые телеканалы, наличие талантливых коммуникаторов, способных спокойно и непредвзято вести диалог и т.д.), так и психологические. Многочисленные неудачи, сопровождавшие поиски согласия в последние годы, привели к тому, что общество психологически устало от громовещательных заявлений и «добрых намерений», которые, как правило, заканчиваются ничем. Иными словами, для того чтобы не дискредитировать благородную и со всех точек зрения полезную идею, необходимо подкреплять ее какими-то значимыми свершениями, способными вселить в общество потерянный им оптимизм и надежду на лучшее будущее. Такими свершениями могли бы стать реальные результаты борьбы с коррупцией, организованной преступностью, повышение собираемости налогов, пресечение утечки капитала за границу, создание новых рабочих мест, преодоление сырьевой экономической зависимости страны и т.д. – одним словом, наведение того самого порядка, о котором неоднократно заявляли власти и по которому так истосковалось российское общество. В противном случае никакое согласие не может возникнуть: слишком далеко разошлись интересы различных групп и слоев российского общества, слишком разным идеалам и ценностям они поклоняются, слишком слаба вера в способности нынешнего государства обеспечить стране модернизационный рывок и достойный уровень жизни ее граждан. По данным социологического исследования 2014 г., проведенного Левада-центром, на вопрос о том, что более важно для людей, которые стоят сейчас у власти, 35 % респондентов назвали «процветание страны», а 52 % – «сохранение и укрепление собственной власти» [16, с. 138].

Несколько лет назад в общественном сознании россиян, казалось бы, получила стойкую прописку идея межкультурной коммуникации, диалога основных политических культур. Однако реальность убеждает в том, что о межкультурной коммуникации легче говорить, чем обеспечивать ее на практике. Во всяком случае отдельные политические дискуссии, изредка ведущиеся на общероссийских телеканалах, не только не проясняют спорных и даже кричащих

вопросов нашей жизни, но и еще более обостряют их. Поэтому не следует возлагать излишние надежды на технологическую сторону диалога: при отсутствии политической ответственности и воли к достижению соглашений, при искреннем презрении к идее любых переговоров и «уступок» чьим-либо требованиям никакие процедурные правила не дадут должного результата. Как справедливо подчеркивал известный американский дипломат Г. Киссинджер, в отличие от дипломатической практики, где господствует диалог как форма коммуникации, легислатура ориентирована на директивы ультимативного свойства, не составляющие пространства для обсуждения и компромисса. Ко всему прочему, вездесущие и громогласные СМИ превращают внешнюю политику в род публичного аттракциона. Одержимость рейтингом приводит к тому, что любой текущий кризис преподносится публике в морализаторских тонах как сражение между добром и злом с окончательным результатом, а не как *эпизод* и *проблема* в ходе долгого исторического процесса. Эти оценки, на наш взгляд, справедливы и для внутренней политики, в которой действуют сходные закономерности. Следовательно, нужно определить не только процедуру, но и тематику дискурсивного диалога, обеспечив участие в нем представителей различных интересов, подходов, позиций.

Особое место в рамках публичного дискурса традиционно принадлежит интеллектуалам, общественная функция которых заключается в сохранении нравственного здоровья социума, в умиротворении противоборствующих сил, обеспечении коммуникации между ними, между властными структурами и гражданским обществом. Однако в целях успешного выполнения этой функции интеллектуалы должны быть не просто независимыми, т.е. неангажированными, не «повязанными» структурами власти, но и солидарными в отношении некоторых базовых принципов, составляющих основы общественного согласия. К сожалению, российское интеллектуальное сообщество резко разобщено и разделено по идеологическому и политическому признакам, что само по себе выступает острым дестабилизирующим фактором и накаляет градус общественных дискус-

¹ По словам кинорежиссера А. Германа-младшего, в России есть способные люди, у которых могут быть мировоззренческие разногласия. «Они могут объединяться по принципу искренней веры в усовершенствование конкретной сферы искусства. Но в действительности происходит то, что всегда происходило в нашей истории. Когда мелкие клерки, вознесенные в “чины”, сеют агрессивное мракобесие, которое на нашей почве моментально всходит. Которое в итоге съест и тех, что правее, и тех, что левее. Бесконечное поношение друг друга приведет к тому, что придет Лесник и всех разгонит» [17, с. 11].

сий и духовно-идеологической ситуации в стране, вместо того, чтобы обеспечивать его снижение¹. При этом государство всякий раз резко меняет правила игры, разрушая некий пакт между ним и деятелями культуры, что может вести к недовольству интеллигенции, особенно в сфере свободы творчества и самовыражения. «Такое генерал-губернаторское отношение к творцам, которым велят “знать свой шесток”, приведет сначала к боязливой, а затем неуправляемой агрессивной реакции», – считает кинорежиссер А. Герман-младший [17].

На необходимость налаживания конструктивного диалога и взаимодействия между государством и обществом указывают многие исследователи. По мнению известного экономиста В. Иноземцева, автора «превентивной» модели демократии, власть должна преодолеть свою боязнь перед обществом, которая сегодня демонстрируется крайне выпукло и отчетливо. «Если правящие круги изначально воспринимают окружающий мир как опасную и агрессивную среду, диалог невозможен, тогда как именно в нем и состоит суть “превентивной” демократии» [18, с. 105].

На важность присутствия диалога как специфической формы и организации общения в публичной сфере указывают и многие отечественные юристы. «Исходя из определения диалога как способа общения, по-новому может быть раскрыто даже само понятие права, – считает Е. В. Сазонникова. – Может быть расширено содержание одного из признаков права, разделяемого значительной частью научного сообщества: право обеспечено не только принудительной силой государства, но и силой убеждения. Люди все больше заинтересованы в том, чтобы государство не просто информировало их или изучало и учитывало общественное мнение, а общалось с ними, объясняло свою политику. Есть потребность в создании новых и развитии уже известных практик так называемой «обратной связи» между государством и обществом» [19, с. 187]. Вместе с тем, по свидетельству автора, в конституционном праве не сложилось ни в теории, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике однозначного определения диалога в государственно-правовом смысле.

В конституционном законодательстве слово «диалог» встречается редко: из федеральных законов это слово есть только в Федеральном законе от 27 марта 2002 г. № 31-ФЗ «О национально-культурной автономии», а также в ряде стратегий, концепций и программ. Ряд федеральных законов, цель и реализация которых могут быть достигнуты только в ходе диалога, обходятся без упоминания о нем (например, Федеральный закон от 21 июня 2014 г. № 212-ФЗ «Об

основах общественного контроля в Российской Федерации», Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»). В решениях Конституционного Суда РФ (основываясь на базе решений, размещенных на официальном сайте суда) слово «диалог» стало упоминаться относительно недавно, в 2012 г., и эти упоминания единичны [19, с. 188]. Наконец, фиксация диалога как способа общения отсутствует в программах подавляющего большинства российских политических партий.

Общий вывод неутешителен: внимание к диалогу в проблемном поле конституционно-правовой науки не является пристальным. Вместе с тем именно в диалоге происходит осуществление гражданами непосредственного народовластия и общественного контроля, использование и защита многих конституционных прав, реализация полномочий органов публичной власти. Диалог – это одна из коммуникационных гарантий прав человека. У нас же возможности диалога привлекают в большей степени журналистов, политиков, социологов и, конечно, филологов и лингвистов. Однако их оценки положения дел далеки от оптимистических. По словам специалиста в области экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН, доктора филологических наук, проф. А. Баранова, в нынешней ситуации примитивизируется, а то и полностью исчезает сфера общественного диалога и возвращается типичное для советского времени двоемыслие².

Указанные трудности и проблематичность выстраивания в России конструктивного публичного диалога между властью и обществом не могут не внушить тревогу, поскольку в средне – и долгосрочной перспективе это скажется самым негативным образом на общественной консолидации и сохранении стабильности политической системы. Как показывает мировой опыт, в условиях усложнения среды и объектов госрегулирования концентрация власти не дает должного политического и управленческого эффекта [21, с. 137]. Очевидно, что необходима ре-

² «Существующие практики в политическом языке стирают полутона. Когда резко меняется политическая ситуация, меняется и язык. Все тонкости, которые можно было бы обсуждать в мирном времени, в полувоенном и военном дискурсе исчезают – ведь люди гибнут, тут не до полутонов... Например, в 1914 году, когда началась Первая мировая война, вся общественная дискуссия, которая велась прежде, скукожилась до выражения патриотизма или его отрицания. Сейчас не мировая война, но военные действия происходят, общественная коммуникация становится скудной. Интеллектуальная составляющая из мышления все больше и больше выветривается, исчезает. А язык все это проявляет. Врагов надо как-то обозначить, для этого находят практически всегда какие-то обидные, приземленные номинации» [20, с. 7].

форма самой политической системы, поскольку заложенные в ней конституционные «правила игры» не стимулируют политических акторов к солидарным действиям, к совместно предпочтительным поведенческим стратегиям и тем самым препятствуют организации и проведению диалога. Отсюда главной задачей в области трансформации политической системы становится перезапуск механизмов политической конкуренции и создание институциональных механизмов диалога в процессе принятия решений и разрешения конфликтов. Исполнительная власть должна организовать реальный диалог с законодательной властью и оппозицией, адекватно реагировать на критику, реанимировать каналы обратной связи с гражданским обществом и овладевать навыками публичной политики, т.е. умением презентовать свои решения общественному мнению и получать ответную поддержку. Это означает обретение властью политического мышления и возвращения политики в ее истинном значении – как искусства совместного существования людей – в общественную жизнь.

Несмотря на очевидное разочарование в политике и в политиках, в российском обществе, по данным социологов, сегодня наблюдается повышенный интерес к идеям и ценностям. В преддверии очередного электорального цикла 2016 г. это важная констатация состояния общественного сознания. В условиях, когда СМИ (в силу почти тотальной подконтрольности) и социальные сети (в силу особенностей ведения коммуникации) не становятся дискуссионными площадками, институционализация политического диалога может начаться с масштабных выборов. «Тот, кто напомнит обществу, что политика есть не только средство достижения власти, не только конфликт интересов, но и делиберация, кто покажет, что обсуждение и выработка аргументации, столкновение ценностей и интересов, аффективного и прагматичного объединяет, а не разделяет, – вернет доверие институту выборов», – считает Я. Бахметьев [22, с. 9].

В свое время преодоление человечеством «естественного состояния», которое Т. Гоббс обозначил как «война всех против всех», потребовало выработки социального контракта. Ж.-Ж. Руссо изложил содержание этого контракта в пламенном манифесте под названием «Об общественном договоре», которому в минувшем году исполнилось ровно 250 лет. Было бы странно и трагично, если бы человечество двинулось вспять и вновь вернулось бы к естественному состоянию, да еще в ядерный век. Следовательно, иных способов, кроме стремления оставить за оппонентом право иметь собственную точку зрения, вести с ним диалог, понять друг друга и сделать шаги навстречу, попросту не существует. Трудно не согла-

ситься с С. Бенхабиб в том, «ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации – это теперь наша судьба» [2, с. 222].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М. : ACADEMIA, 1995. – 245 с.
2. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру : пер. с англ. / С. Бенхабиб ; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.
3. Диалог культур в глобализирующемся мире : мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов ; Ин-т философии. – М. : Наука, 2005. – 350 с.
4. *Келлетт П.* Конфликтный диалог : работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений : пер. с англ. / П. Келлетт. – Харьков : Гуманитарный Центр (М. А. Новицкая), 2010. – 416 с.
5. *Пригожин А. И.* Диалогические решения / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 50–64.
6. *Рахманин В. С.* Диалог политических культур как демократический процесс / В. С. Рахманин // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4. – С. 242–251.
7. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М. : ACADEMIA, 1995. – 245 с.
8. *Лафонтен О.* Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире / О. Лафонтен. – М. : Международные отношения, 1990. – 168 с.
9. *Минеев А.* Они будут управлять Европой в ближайшие пять лет / А. Минеев // Новая газета. – 2014. – 11 сент.
10. *Кочетков А. П.* Нетократизм / А. П. Кочетков // Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 111–121.
11. *Вершинин С. М.* Политическая коммуникация в информационном обществе / С. М. Вершинин. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 195 с.
12. *Евдокимов В. А.* Интерактивность как качество публичной политики / В. А. Евдокимов // Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 21–25.
13. *Красев И.* Управление недоверием / И. Красев ; пер. с англ. А. А. Ожигановой. – М. : Европа, 2014. – 128 с.
14. *Милюкова Я.* Шоковая заморозка / Я. Милюкова, П. Нетреба, Е. Метелица // РБК daily. – 2014. – 18 авг.
15. *Леонтьев Д.* Состояние умов при ветреной погоде / Д. Леонтьев // Новая газета. – 2014. – 30 сент.
16. *Гудков Л.* Путинский рецидив тоталитаризма / Л. Гудков // Pro et contra. – 2014. – № 3–4 (63), май–август. – С. 129–147.
17. *Герман А.* Агрессивное мракобесие съест всех / А. Герман // Новая газета. – 2015. – 20 апр.
18. *Иноземцев В.* «Превентивная» демократия. Понятие, предпосылки возникновения, шансы для России /

В. Иноземцев // Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 101–111.

19. Сазонникова Е. В. О теме диалога в науке конституционного права / Е. В. Сазонникова // Человек в глобальном мире : материалы Международной научной конференции (Воронеж, 18–20 мая 2015 г.) / под ред. Н. В. Бутусовой, Й. Ананиева. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 186–190.

20. Время фейков, или Возвращение двоемыслия // Новая газета. – 2015. – 11 февр.

21. Соловьев А. И. Способности и состоятельность российского государства : К постановке проблемы /

А. И. Соловьев // Политическая наука : науч. журн. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки ; Росс. ассоц. полит. науки ; ред. кол. : Е. Ю. Мелешкина, гл. ред. и др. – М., 2011. – № 2 : Государственная состоятельность в политической науке и политической практике / ред.-сост. вып. М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина. – С. 125–142.

22. Бахметьев Я. От протеста к делиберации. Смысл выборов в Госдуму – напомнить обществу о возможности диалога / Я. Бахметьев // Новая газета. – 2015. – 19 апр.

Воронежский государственный университет

*Глухова А. В., доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии и политологии*

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University

*Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Sociology and Political Science Department*

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43